образование

Зарплата учителей растет по законам статистики

Средняя зарплата школьного учителя в России в 2017 году —34 921 руб. Это на 1583 руб. больше, чем в 2016 году. А в январе 2018 года ежемесячные выплаты учителям в среднем по России составили 36 265 руб. Такие данные приводит Росстат по итогам ежегодного отчета о доходах работников образования и науки. О существенном отставании в повышении зарплат от уровня, предусмотренного майскими указами президента, заявляют и вузовские преподаватели. Более четверти педагогов не исключают возможности смены профессиональной сферы в ближайшие годы.

— финансы —

СЕРГЕЙ ФАДЕИЧЕВ/ТАСС

Педагоги и Росстат разошлись в подсчетах уровня заработной платы в образовании

Московские учителя в прошлом году ежемесячно получали более 75 тыс. руб. А самые большие зарплаты у учителей в Чукотском автономном округе (89,5 тыс. руб.) Меньше всех получали преподаватели Дагестана (19,2 тыс. руб.), Карачаево-Черкесии (20,3 тыс. руб.) и Северной Осетии (20,5 тыс. руб.). Это данные отчета Росстата о доходах работников образования и науки за 2017 год. Согласно официальной статистике, доходы преподавателей стабильно растут год от года. Требование повысить доходы содержалось в майских указах президента РФ Владимира Путина в 2012 году. Комментируя ежегодный отчет Росстата, в Минобрнауки заявляли, что майские указы выполнили все субъекты РФ.

Однако преподаватели, за редким исключением, заявляют, что реальный уровень их доходов не соответствует данным официальной статистики. Они рассказывают, к каким уловкам прибегает администрация школ и вузов, чтобы на бумаге увеличить номинальные доходы учителей.

30 педагогов сельской школы Звериноголовского района в Курганской области в январе 2017 года записали видеообращение к президенту Владимиру Путину, в котором сообщили, что в течение года им недоплачивали до 30% зарплаты, поэтому они приняли решение приостановить работу. Речь шла о «потерянных» стимулирующих выплатах — части зарплаты, которую школа самостоятельно распределяет между педагогами из общего фонда оплаты труда организации. Комиссия по распределению надбавок, в которую обычно входят представители администрации школы и сами педагоги, решает, кто из педагогов какой премии достоин. Учитывают заслуги учителя, например оценки и учебные достижения его учеников, внеурочную деятельность и прочее.

Угроза забастовки курганских учителей привлекла внимание региональных и федеральных властей. Ситуацию удалось разрешить: учителям выплатили недостающую часть зарплаты и изменили состав комиссии по распределению стимулирующих выплат. Теперь туда входят сами учителя, которые и решают, кто из их коллег каких выплат заслуживает. Однако, несмотря на погашение задолженности, средняя зарплата учителей попрежнему ниже официальной средней по региону. «В среднем получают 14–17 тыс. руб. Со всеми надбавками и выплатами может получиться около 20 тыс. руб. Молодой специалист может получать 11 тыс. руб., учитель начальных классов — около 10 тыс. руб.»,— говорит председатель профсоюза «Учитель» Звериноголовской средней школы Владимир Кочеулов. Согласно данным Росстата, средняя заработная плата школьных учителей в Курганской области в 2016 году составляла 22 036 руб., а в 2017 году — 22 598 руб. Напомним, согласно майским указам, зарплата учителей должна равняться средней зарплате по региону и не опускаться ниже этой планки начиная с 2012 года. По мнению Владимира Кочеулова, проблема заключается в непрозрачности системы распределения стимулирующих надбавок: «У нас молодой специалист может получать больше опытного педагога с большей нагрузкой, например, потому, что в его классе больше учеников с „пятерками“. Нам кажется, что это не совсем справедливо и было бы правильно перейти на систему оплаты труда, когда базовая, гарантированная часть зарплаты составляет 100% денежных выплат».

Эту позицию разделяют и на федеральном уровне. Сопредседатель межрегионального профсоюза «Учитель» Всеволод Луховицкий сообщил, что организация регулярно обращается в Министерство образования и науки РФ, Государственную думу и другие федеральные органы власти с предложением сделать систему выплат педагогам более прозрачной. Администрация образовательных организаций часто использует «легальные механизмы манипуляции для повышения оклада», уверен он. «Есть несколько способов — например, учитывается оплата всех видов труда учителя (уроки, классное руководство, внеурочная деятельность). Или учитывают внебюджетные доходы школы, то есть родители официально платят за кружки и секции, а эти деньги включают в итоговый расчет, как будто они бюджетные. Третий способ — когда учителя переводят на должность завуча с соответствующей зарплатой, но в отчете она считается как обычная учительская. Нередко бывает, что из школы просто выдавливают непедагогических работников: библиотекарей, социальных педагогов, а их зарплаты вместе с обязанностями распределяют между учителями»,— перечисляет Всеволод Луховицкий. Кроме того, по его словам, нередко учителя берут на себя непомерную нагрузку, совмещая полторы и две рабочие ставки (одна учительская ставка равна 18 рабочим часам в неделю). «Это нельзя назвать обманом — так устроена статистика. По нашим данным, разница между реальной и статистической зарплатами огромна. К сожалению, никаких конкретных цифр по каждому региону или школе предъявить нельзя — для этого понадобилось бы проводить анонимный опрос учителей, гарантировав, что за честные ответы им ничего не будет»,— отмечает глава профсоюза.

Подобный опрос был проведен среди работников сферы высшего образования. 16 марта профсоюз «Университетская солидарность» представил первые итоги опроса, проведенного среди преподавателей в феврале—марте. Оказалось, что после вычета подоходного налога в сентябре—ноябре 2017 года преподаватели в среднем по стране получали 32,9 тыс. руб. По данным Росстата, среднемесячная зарплата в 2017 году составила 39,1 тыс. руб. Согласно президентским указам, зарплата вузовских преподавателей к 2018 году должна была быть доведена до 200% от средней по региону. Сопредседатель профсоюза «Университетская солидарность» Андроник Арутюнов подчеркивает, что «в целом преподаватели находятся в тяжелом положении: заработная плата мало где превышает 40–45 тыс. руб. и это происходит на фоне роста нагрузки». По словам эксперта, мониторинг выявил «очень серьезную проблему»: оклад преподавателя в среднем составляет от 5 тыс. до 10 тыс. руб., «то есть все остальное — это различного рода надбавки, которые могут сдуться в любой момент». Согласно данным Росстата, преподаватели вузов в 2017 году в среднем по России получали 57 тыс. руб. в месяц, в Москве — почти 98 тыс. руб., в Санкт-Петербурге — 68,5 тыс. руб. Как и в среднем образовании, наименьшие зарплаты в Республике Дагестан (30,5 тыс. руб.) и Республике Кабардино-Балкария (30 тыс. руб.). Андроник Арутюнов также указывает на манипуляции с данными, к которым прибегают администрации образовательных учреждений: «Очень часто производят махинации со ставками преподавателя: оформляют на одну, считают по другой. Или в штатные преподаватели записывают ректора, чтобы учитывать его зарплату в расчете среднестатистической выплаты. Получается, что те цифры, которыми отчитываются министерства, не имеют отношения к реальности».

Аналитик центра социально-экономического развития школы Института образования НИУ «Высшая школа экономики» Александр Беликов подтверждает, что на данный момент статистика не учитывает нагрузку на педагогов: «Рост заработной платы происходит на фоне увеличения нагрузки, но на основании официальных данных оценить соотношение темпов роста этих двух составляющих невозможно». Кроме того, добавляет он, отсутствуют сведения о внутреннем совместительстве, поэтому нет возможности проанализировать ни сам факт совместительства, ни его распространенность в организации, ни правовую форму, в которой совместительство осуществляется. «Статистика по заработной плате педработников публикуется с квартальной периодичностью накопительным итогом. При этом нередко можно увидеть ситуацию, при которой по итогам третьего квартала заработная плата составляет меньше 100% соответствующего норматива, но по итогам года (то есть всех четырех кварталов) зарплаты выводятся на необходимый уровень. Таким образом, „13-я зарплата“ и иные формы премирования являются инструментом управления уровнем заработной платы и, следовательно, механизмом „доведения“ выплат до необходимого значения»,— подчеркивает Александр Беликов.

20 марта РАНХиГС представила результаты мониторинга эффективности школьного образования, согласно которому количество учителей, недовольных своей зарплатой, снизилось. Если в 2016 году таких было 31,7%, то в 2017 году — 25,4%. Но, согласно результатам исследования, больше четверти учителей не исключают возможности смены профессиональной сферы в ближайшие годы.

Анна Макеева

Половина вузов России не сдали зачет

— качество —

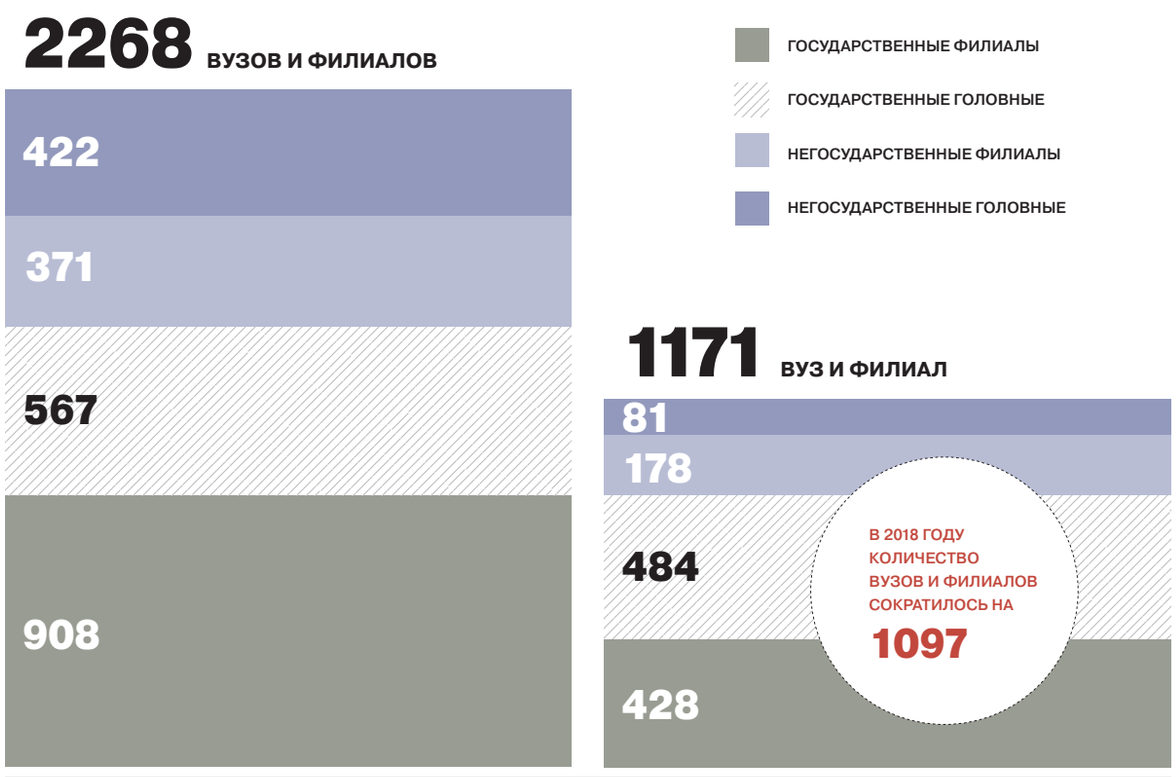
с13

«Например, вуз нарушил правила приема, или нет правоустанавливающих документов на здание, или не созданы условия для инвалидов, или на сайте не размещена часть информации — все это разные нарушения. Соответственно, вузы попадут в разные категории риска»,— ранее пояснил „Ъ“ начальник управления надзора и контроля за организациями, осуществляющими образовательную деятельность, Рособрнадзора Сергей Рукавишников. В университетском сообществе изменения приветствуют и считают, что новая модель оценки деятельности «сбережет нервы» вузам с хорошей репутацией и приведет к дальнейшему сокращению общего числа высших учебных заведений в России. Предполагается, что после запуска новой модели оценки проверять будут не только вузы, но и колледжи и техникумы.

Сокращение числа вузов — «естественный процесс», считает научный руководитель Московской школы управления «Сколково» Андрей Волков: «Чтобы выжить в 1990-е, государственные вузы открыли огромное количество филиалов, в том числе для того, чтобы иметь возможность зарабатывать. За последние десять лет государственное финансирование существенно увеличилось, одновременно с этим повысились требования к качеству. Это привело к тому, что многие вузы отказались от филиалов». Господин Волков также отмечает и позитивную роль слияний и поглощений — когда к сильным университетам присоединяли отстающие: «Это тоже правильный, соответствующий мировым требованиям тренд. Наши вузы исторически сильно специализированы, а сейчас невозможно качественно проводить разработки, не взаимодействуя с другими отраслями». Не обходилось и без негатива. «Административно-чиновничий перегиб и перебор иногда происходил»,— констатирует Андрей Волков. Причина, по мнению эксперта, в том, что одни и те же критерии эффективности применялись к вузам с разной спецификой и находившимся в разных условиях. Недифференцированный подход: лес рубят — щепки летят. «Вместе с такими „щепками“ мы потеряли 5–10% вузов, в основном негосударственных, которые действительно делали интересные и неординарные вещи. Люди сами должны делать выбор, что им подходит, а что — нет. А здесь получилось, что в каком-то смысле этот выбор за них сделало государство»,— заключает господин Волков.

Анна Макеева

СЕТЬ ВУЗОВ И ФИЛИАЛОВ (ШТ.)



Пополнение образования

— квалификация —

с13

Несмотря на наличие связи между активностью инвесторов и вовлеченностью взрослого населения в переобучение, некоторым регионам со «скромными показателями валового регионального продукта» также удается добиваться значительных показателей. Например, у лидеров рейтинга (Пермского края и Свердловской области) объем инвестиций почти вдвое ниже, чем у Татарстана или Красноярского края (входят в топ-15).

ВИКТОР КОРОТАЕВ

Дополнительное профессиональное обучение в России чаще всего получают работники сферы образования и специалисты по управлению техникой

Исак Фрумин признает, что влияние переобучения населения на развитие экономики пока еще неочевидно для российского бизнеса и госсектора: «Ничего удивительного — понятие непрерывного образования вошло в мировой обиход лишь в 1960-х годах. Ускоренное развитие технологий потребовало постоянной настройки квалификаций персонала. Сегодня мир пришел к тому, что в отдельных развитых странах охват трудоспособного населения программами допобразования достигает 51%, по Евросоюзу в целом он составляет 40%». По словам эксперта, Россия пока не относится к числу стран—лидеров по этому показателю: в РФ он 17%. «А ведь в наше время можно приобрести любые высокопроизводительные технологии, и ключевой проблемой становится именно человеческий капитал»,— подчеркивает господин Фрумин.

Декан факультета бизнес-информатики и управления комплексными системами НИЯУ МИФИ профессор Александр Путилов говорит, что некоторым российским игрокам все же удается реализовать собственные программы обучения взрослых и даже экспортировать их в другие страны: «Например, МИФИ — базовая организация государств СНГ по подготовке, профессиональной переподготовке и повышению квалификации кадров в области использования атомной энергии в мирных целях». Технологию обучения взрослых, да еще работающих в другой стране, пришлось разрабатывать с нуля, добавляет он: «Лекции, курсы, тесты — все это можно изучать в дистанционном режиме, и система, которую мы разработали, обеспечивает эти возможности. Но еще понадобились телемосты, которые мы проводили по субботам еженедельно: актуальные комментарии, ответы на вопросы, консультации». Господин Путилов подчеркивает, что усилия «не пропали даром: выпускники оказались замечательными, а полученный опыт мы сейчас пытаемся распространить и на другие страны СНГ».

Эксперты также оценили изменения, которые происходили в сфере дополнительного образования взрослых в регионах с 2010 по 2016 года. Во всех регионах, кроме Ингушетии, Чечни, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Дагестана и Северной Осетии—Алании, с 2013 по 2016 год отмечен «значительный рост охвата взрослого населения дополнительным образованием». Самый большой прирост у Самарской области, Пермского края, Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, Свердловской области, Республики Башкортостан и Удмуртской Республики, уточняют в ВШЭ. Например, в Самарской области в 2013 году дополнительное образование получали 14% взрослых, а в 2016 году — уже 26%. «Такая динамика связана как с инвестициями в основной капитал на душу населения в этих регионах, так и с финансированием государственных программ по поддержке непрерывного образования на базе организаций среднего профессионального образования»,— отмечают авторы исследования.

«Что нужно сделать, чтобы определить политику государства в этой сфере? Во-первых, пока у нас нет отдельного закона или концепции образования взрослых. Да, в федеральный закон „Об образовании“ вписаны положения о непрерывном обучении, но в таком виде это недостаточно эффективно,— считает главный эксперт Института образования НИУ ВШЭ Илья Коршунов.— Во-вторых, единая система господдержки в получении новых квалификаций действует только для неработающих пенсионеров и безработных по линии центров занятости». Кроме того, отмечает господин Коршунов «программы дополнительного образования возникают кластерами: для управленцев, для работников образования, медицины, культуры, для предпринимателей». По его мнению, несмотря на то, что в целом интерес населения и работодателей к «обучению взрослых» растет, институты независимой оценки квалификации в этой сфере пока недостаточно развиты, что также мешает вовлечь в дополнительное обучение большое количество людей.

Анна Макеева